

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Д. А. КУДРЯВЦЕВА

Сновидение как способ познания инореальности («Аврелия» Ж. де Нерваля)

Проблема творческой личности и вопросы творчества являются центральными для романтического искусства. В прозе и поэзии Жерара де Нерваля особенности психологии творческой личности, ее отношение к жизни, истории, социуму, мифологизация истории и самого творчества прослеживаются как в ранних произведениях автора («Король шутов», «Маленькие замки богемы»), так и в 40–50-е годы («Жак Казот», «Исповедь Никола», «Путешествие на Восток», «Дочери огня»). В последние годы явственно движение сознания писателя на Восток, создание своего пантеона богов, космогонических и эсхатологических мифов, наконец, осмысление миссионерской роли художника, провозглашенное в повести «Аврелия», которую можно рассматривать как духовное завещание поэта. Представление о творчестве у Нерваля неразрывно связано с процессом познания. При этом сам путь к познанию у Нерваля весьма специфичен.

Нерваля не случайно называют самым «немецким» из французских писателей¹, а немецкие критики в свою очередь считают его единственным настоящим французским романтиком².

Философское осмысление особенностей творческой личности, процесса творчества, роль воображения — центральные вопросы немецкой романтической философии

(Новалиса, Ф. Шлегеля, Ф. Шеллинга). Их идеи оказались чрезвычайно близки Нервалю. Кроме

того, необходимо отметить влияние таких художников как Гете, Гейне и Гофман.

Интерес к мифологии и стремление создавать собственную мифологию — существенная черта художественного мира Нерваля, что роднит его с немецкими романтиками «йенского периода». Некоторые французские исследователи усматривают в этом основную тенденцию творчества писателя³.

Русская и французская критика отмечают интерес Нерваля к вопросам культуры, к прошлому, оперирование целыми «культурологическими пластами», обостренное чувство романтического двоемирия, мечту об универсальной метарелигии, соединяющий элементы всех религий мира. Одной из частных сторон этих проблем является особое понимание личности художника, его места в мире и процесса творчества, уподобляющего поэта богу. Как в западной, так и в русской критике в последнее время возобладали тенденция рассматривать творчество Нерваля как поэта-эзотерика, предвещающего символизм, поэзию чистого искусства, сюрреализм⁴.

Новалис писал: «Чувство поэзии имеет много общего с чувством мистического. Это чувство особенного, личностного, неизданного, сокровенного, должного раскрыть-

ся, необходимо-случайного. Оно представляет непредставимое, зрит незримое, чувствует неощутимое и т. д. ... Чувство поэзии в близком родстве с чувством пророческим и с религиозным чувством провиденья вообще. Поэт упорядочивает, связывает, выбирает, измышляет, и для него самого непостижимо, почему именно так, а не иначе»⁵.

Ф. Шлегель сопоставляет художника с Богом: «Какая же философия остается на долю поэта? Философия творческая, исходящая из свободы и веры в нее и затем показывающая, что человеческий дух запечатлевает на всем свои законы и что мир есть произведение его искусства» («Атенийский фрагмент № 168»)»⁶. Схожие мысли находим у Нервала в «Истории о царице утра и о Сулеймане, повелителе духов», когда мастер Адонирам говорит о том, что предназначение искусства — не подражание природе, а создание неизвестных образов и существ, рожденных воображением художника⁷.

Именно эти идеи: сновидчество как основа творчества, бессознательность как неизбежная часть вдохновения, способность творить свою вселенную — оказались близки Нервалю. Познакомиться с идеями немецких романтиков он, переводчик «Фауста» Гёте, стихов Гейне, мог как в оригинале, так и по книге Ж. де Сталь «О Германии».

Творить собственную вселенную Нерваль мог при помощи сновидений. Прием использования сновидения для сотворения инореальности, декларации мистических откровений, передачи субстанциальных идей автора использовался Нервалем во многих произведениях: «История Халифа Хакима», «История о царице утра и Сулеймане, повелителе духов», «Октябрьские ночи», «Сильвия» и др., но именно в «Аврелии» этот прием становится смыслообразующим: в ряде снов герой реконструирует особую мифологизированную реальность. Сон, сновидчество представляется в «Аврелии» синонимом «творчества».

Творчество — это «огонь, возникший в эфире и стелющийся по болоту»⁸, — говорил Шамиссо. Священный огонь творческих

порывов и губящее его болото реальности — так представляют себе романтики противопоставление мечты и действительности. Друг Нервала Теофиль Готье заявлял в 1820-х годах, что для романтиков весь мир разделится на явления и людей «сверкающих» и «сероватых»; первые были предметом поклонения, вторые — антипатии.

Трагедия многих романтиков состояла в том, что они хорошо понимали зыбкость тех идеалов, в которые, как казалось, горячо верили. «Я напрасно ищу опоры, нет ничего прочного, все зыбко, все ложно. Наши надежды и желания — всего лишь пустые химеры, а наши успехи — ускользающие от нас призраки. Если и есть что-нибудь безусловное, это наши невзгоды. Страдание существует в действительности, радости только в воображении», — писал Т. Жерико⁹. В этом отношении Жерар де Нерваль оказался нетипичным романтиком: он не разочаровался в своих мечтах и видениях и не замкнулся в этой трагедии — выход он нашел в сновидчестве. Его мистические откровения, возмущенные в «Аврелии», свидетельствуют об этом.

Одним из художественных способов выражения несоответствия идеала и действительности, мечты и жизни становится оппозиция сна и реальности, где область сновидения представляется сферой мистических откровений. В этой связи представляется символическим подзаголовок повести «Аврелия» — «Аврелия, или Мечта и Жизнь». Французское «le rêve» — сон, сновидение, имеет также значение «мечта».

Обращение к сновидению как художественному приему, способу постижения мира было весьма характерно для романтиков (Новалис, Ш. Нодье, С. Т. Колридж, Э. Т. А. Гофман и др.). Это объясняется самой природой романтического мироощущения, всегда направленного на таинственное и необъяснимое, незавершенное, нарушающее привычный ход вещей, противостоящее норме. «Разве всякий, хотя бы самый спутанный сон не представляет собой нечто странное и даже если не кажется ниспослан-

ным Богом, все же как бы разрывает таинственную завесу, которая окутывает тысячу складок нашу душу? (...) Мне сны кажутся оплотом против правильности и обыденности жизни, отдыхом для скованной фантазии...»¹⁰, — писал Новалис.

Идеи о реальности сновидений, их связи с творчеством, божественное происхождение вдохновения, мысль о том, что творческий замысел всегда больше самого творца, высказывал В.-Г. Вакенродер в «Сердечных изливаниях отшельника — любителя искусств»: образ Мадонны был явлен Рафаэлю во сне и только потом перенесен на полотно. «Более всего изумило его, что это был как раз тот образ, которого он все время искал, хотя до сих пор имел о нем всего лишь смутное и неясное представление»¹¹.

Обратимся непосредственно к «Аврелии». Нерваль начинает ее словами: «Сон — это вторая жизнь»¹². И автор развертывает перед нами феерическую картину снов с предельной ясностью. Состояние сна подобно тому, что нас ждет после смерти, если воспринимать смерть лишь как переход, границу между мирами. Согласно Нервалю, во сне человек перемещается в области за смертью, в мир Духов.

Видения-сны в «Аврелии», по сути, представляют собой мифы, наполненные символическими образами разных религий: это античные и скандинавские боги, христианские святые, персонажи восточных легенд. Это и нисхождение в подземное царство — загробный мир, к первородному огню, знакомство с умершими предками; посещение идеального утопического города; теогонический миф об элохимах, миф о сотворении мира, эсхатологический миф о гибели мира.

Нерваль решился на смелую попытку записать свои сны и узнать их тайны, взломать эти «мистические ворота» вместо того, чтобы безропотно им подчиняться. Он захотел приручить эту «заманчивую и страшную химеру», найти закон для мира Духов, которые каждую ночь, как хотят, играют нашим разумом. «После нескольких минут оцепенения начинается новая жизнь, освобожден-

ная от условий времени и места и, вне всякого сомнения, похожая на ту жизнь, которая ожидает нас после смерти. Кто знает, не существует ли связи между этими двумя существованиями и нет ли возможности для человеческой души установить эту связь заранее?»¹³.

Сны в концепции романтиков соотносятся со сказкой. Новалис писал, что «сказка подобна сновидению, она бессвязна. Ансамбль чудесных вещей и событий. Например, музыкальные фантазии, гармонические сопровождения Эоловой арфы, сама природа»¹⁴.

Однако сны, увиденные героем «Аврелии», можно назвать в большей степени мистическими, через которые человек получает откровения «свыше», тогда как у Новалиса это ряд размышлений. Важный вопрос заключается в том, считать ли эти сны действительными пророчествами или увидеть в них лишь своеобразное проявление болезни героя и автора?

Французский исследователь литературы XIX века Ф. Беранс¹⁵ полагает, что, хотя сны «Аврелии» написаны превосходным стилем, как будто бы человеком с ясным сознанием, они являются галлюцинациями автора, преследуемого и загнанного безумием. Однако Нерваль, в отличие от людей с больным сознанием, разграничивает состояние сна и бодрствования.

Когда герой описывает свое пребывание в клинике, он отмечает, что эти два состояния отличались мерой искажения реальности. Днем материальные предметы приобретали колеблющиеся формы тени — сообщает нам герой «Аврелии». Во сне же все виделось четким. Отбросив сомнения в бессмертии души, он понимал, что сон есть способ общения с теми, кого любил. «И в сладостной тоске ожидал я пришествия ночи»¹⁶. В больнице среди сумасшедших сразу же с приходом тьмы для героя начиналась настоящая жизнь, независимо от того, спал он или нет.

Сон героя Нерваля — не только способ общения с умершими: эти «мистические ворота» открывают и другие возможности. Во

сне Нерваль приобщается к вековой истории человечества, мифическое происхождение мира открывается герою «Аврелии» в ряде видений, описанных им в главе восьмой. По сути, Нерваль творит свой миф о сотворении мира, создает свою панораму истории. Близость порождений спящего ума к древним мифам и легендам отмечали представители психоаналитической школы. Эрих Фромм писал, что «большинство сновидений имеют много общего с мифами как по форме так и по содержанию, и мы сами, считая мифы странными и чуждыми днем, ночью обретаем способность к мифотворчеству»¹⁷.

Для Нерваля изображение сновидений в «Аврелии» — не просто художественный прием, способ введения символического ряда значений в повествование, сон — это инореальность, вторая жизнь, пусть не лишенная иллюзорности, но философски настроенный человек предчувствует, что и «под этой действительностью, в которой мы живем и существуем, лежит скрытая, вторая действительность, во всем отличная, и что, следовательно, и первая есть иллюзия...»¹⁸.

Специфично то, что Нерваль предпринимает попытку не просто изображения сна, но он исследует свой вполне реальный жизненный опыт, пытается обрести свою личность в сновидениях, анализируя свои сны, он стремится передать явленную ему истину об устройстве мироздания. Ниспосланные герою «Аврелии» сны помогали обрести смысл существования, вселяли веру в Бога. Можно сказать, что для Нерваля творчество — тяжелое и болезненное исследование своего внутреннего мира, «задача писателя, — писан он в «Аврелии», — состоит в искреннем исследовании всего, что он испытал в роковые минуты своей жизни»¹⁹. Ранее в предисловии к «Иллюминатам» Нерваль писал, что именно в исследовании «неразберихи человеческой души»²⁰ видится ему смысл творчества.

В ноябре 1841 г. Нерваль пишет: «Я чувствую себя совсем угнетенным и расстроенным, свалившись с неба, где в продолжение нескольких месяцев я ступал такой твердой

ногой. Какая жалость, что современное общество не допускает нас вечно пребывать среди снов и видений. Впрочем, у меня осталась, по крайней мере, уверенность в будущей жизни и в бессмертной симпатии душ, которые нашли друг друга здесь на земле»²¹.

¹ Dédéyan Ch. Gerar de Nerval et l'Allemagne. P., 1957; Dubruk A. Gerar de Nerval and German heritage. Mouton, 1965; Жирмунская Н. А. Жерар де Нерваль. Судьба и творчество // Нерваль Ж. Дочери Огня. Л., 1985. С. 9; Карельский А. В. Метаморфозы Орфея: Беседы по истории западных литератур. М., 1998. С. 239.

² Виткоп-Менардо Г. Э. Т. А. Гофман. Урал LTD, 1999. С. 146.

³ Durry M. Gerar de Nerval et le mythe. P., 1956.

⁴ Haedens K. Gérard de Nerval ou la sagesse romantique. P., 1939; Cellier L. Gérard de Nerval. L'homme et l'oeuvre. P., 1956; Dhaenens J. Le destin d'Orphée. P., 1972; Richer J. Nerval. Experience et création. P., 1963; Nerval: Actes du colloque de la Sorbonne du 15 nov. 1997. Paris-Sorbonne, 1997; Зенкин С. Н. Жерар де Нерваль — испытатель культуры // Нерваль Ж. де. Мистические фрагменты. СПб., 2001. С. 8–40; Его же. Французский романтизм и идея культуры. Аспекты проблемы. М., 2001 (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 30.); Сашина Е. В. Поэзия Жерара де Нерваля как явление «чистого искусства»: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.

⁵ Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934. С. 122.

⁶ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. I. М., 1983. С. 300.

⁷ Нерваль Ж. де. История о царице утра и о Сулеймане, повелителе духов. М., 1996. С. 18.

⁸ Цит. по кн.: Ванслов В. Эстетика романтизма. М., 1966. С. 482.

⁹ Жерико о себе и современники о нем. М., 1962. С. 50.

¹⁰ Новалис. Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб., 1995. С. 14.

¹¹ Вакенродер В.-Г. Фантазии об искусстве. М., 1977. С. 31.

¹² Нерваль Ж. де. Аврелия // Нерваль Ж. де. Мистические фрагменты. СПб., 2001. С. 406.

¹³ Там же. С. 466.

¹⁴ Литературная теория немецкого романизма. Л., 1934. С. 133.

¹⁵ Verence F. Grandeur spirituelle du XIX siècle français. V. 1. Paris, 1959. P. 309.

¹⁶ Нерваль Ж. де. Аврелия. С. 421.

¹⁷ Фромм Э. Забытый язык // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 53.

¹⁸ Ницше Ф. Рождение трагедии, или элизиум и пессимизм // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 60.

¹⁹ Нерваль Ж. де. Аврелия. С. 412.

²⁰ Нерваль Ж. де. Библиотека моего дядюшки. Вступление к книге «Иллюминаты» // Нерваль Ж. де. Дочери огня. Л., 1995. С. 29.

²¹ Жерар де Нерваль. Сильвия. Октавия. Изида. Аврелия. М., 1912. С. 16.